

Структурные перемены и цены

Н. И. СУСЛОВ,
кандидат экономических наук,
ИЭиОПП СО РАН,
Новосибирск

Сейчас принято критиковать официальную статистику и, не доверяя ей, зачастую пренебрегать количественным анализом экономических процессов, ограничиваясь осмыслением институциональных преобразований. На наш взгляд, официально публикуемые данные гораздо более репрезентативны по сравнению с любыми узкими обследованиями и дают систему показателей, по которой можно увидеть положение в экономике в целом.

Кто теряет и кто находит?

Использование официальных статистических данных как системы показателей позволяет не только утверждать: «производство продолжает падать», что плохо, а «инфляция почти побеждена», что сомнительно. Можно сделать и некоторые другие осторожные выводы. Публикуемая динамика индексов физических объемов производства в основных отраслях промышленности показывает изменения ее структуры.

Структурные сдвиги происходят в пользу добывающей промышленности и отраслей первых циклов переработки — топливной, электроэнергетики, металлургии (табл. 1–2). Эти сдвиги идут за счет производств, дающих конечную продукцию. Особенно пострадали легкая

Статья подготовлена при поддержке Российского гуманитарного научного фонда, грант № 96-02-02211

© ЭКО 1997 г.

промышленность, машиностроение, производство строительных материалов, которые даже на фоне общего сокращения промышленного производства примерно вдвое заметно сократили свою долю в совокупном выпуске. Так, в легкой промышленности в 1995 г. по сравнению с 1990 г. общий выпуск продукции сократился более чем в 5 (!) раз. Интересно, что потребление товаров и услуг населением уменьшилось за указанный период лишь примерно на треть. Это объясняется изменением структуры расходов населения в пользу продуктов питания. Объем выпуска пищевой продукции уменьшился в 1990–1995 гг. только на 51%, при этом значительно вырос импорт продовольствия. Объем розничного товарооборота практически остался неизменным. Доля импортной продукции в розничном товарообороте возросла в настоящее время уже до 50% с 13–15% в 80-х годах.

Таблица 1

**Индексы физических объемов производства
в промышленных отраслях России (1990 г. = 100%)**

Отрасль	1991	1992	1993	1994	1995
Вся промышленность	92	75,4	64,9	51,3	49,7
В том числе:					
топливная	94	87,4	76,9	69,2	67,9
электроэнергетика	100,3	95,3	90,5	82,4	79,9
черная металлургия	93	78,1	64,8	53,8	58,7
цветная металлургия	91	68,3	58,7	53,4	54,5
химическая и нефтехимическая	94	73,3	57,9	44,0	47,5
лесная и лесоперерабатывающая	91	77,4	62,7	43,9	42,1
промышленность строительных материалов	98	78,4	65,9	48,1	45,7
машиностроение	90	76,5	64,3	44,3	39,9
легкая	91	63,7	49,1	26,5	18,8
вишневая	91	76,4	69,6	57,7	53,1

Таблица 2

Структура промышленного производства России (в ценах 1990 г.), % к итогу

Отрасль	1990	1991	1992	1993	1994	1995
Топливая	7,3	7,5	8,5	8,7	9,9	10,0
Электроэнергетика	3,9	4,2	4,9	5,4	6,2	6,2
Черная металлургия	5,3	5,4	5,5	5,3	5,6	6,2
Цветная металлургия	5,7	5,6	5,2	5,2	5,9	6,3
Химическая и нефтехимическая	7,5	7,6	7,2	6,7	6,4	7,1
Лесная и лесоперерабатывающая	6,6	5,5	5,7	5,4	4,8	4,7
Промышленность строительных материалов	3,6	3,9	3,8	3,7	3,4	3,3
Машиностроение	30,2	29,6	30,6	29,9	26,4	24,3
Легкая	11,8	11,7	10,0	8,9	6,1	4,5
Пищевая	15,1	14,9	15,3	16,1	17,0	16,1

ТЭК набирает вес

Производство продукции машиностроения упало за пять лет на 60% вследствие снижения внутреннего спроса: производственные капиталовложения уменьшились более чем на 3/4. Не столь заметное сокращение непроизводственных инвестиций — «лишь» на 55% — объясняет, почему падение в отрасли стройматериалов было меньшим по сравнению с машиностроительной продукцией: непроизводственное строительство предъявляет более высокий спрос именно на конструкционные материалы, а не на машины и оборудование. Общее падение доли отраслей строительного комплекса в промышленном производстве составило 1,23 раза.

Сокращением внутреннего конечного спроса за счет капитальных вложений объясняется спад и в других отраслях, участвующих в производстве конструкционных материалов, — лесопромышленной, химической, металлургии. Однако по годам рассматриваемого пери-

ода эти производства вели себя по-разному, что зависело от успешности продвижения на внешний рынок.

В 1992 г. произошел общий существенный спад экспорта товаров из России. Начиная с 1992 года выручка от экспорта начала расти быстрыми темпами и, достигнув в 1995 г. 81,6 млрд дол. США, была по крайней мере не меньше, чем в 1990 г. (при соответствующей валютной оценке продукции, вывозимой из России в другие бывшие советские республики).

Если металлургические отрасли, особенно производство черных металлов, достаточно быстро и резко сумели увеличить экспорт и тем самым в какой-то мере компенсировать падение объемов внутреннего сбыта, то лесопромышленный комплекс действовал менее успешно, хотя также в целом увеличивал сбыт на внешних рынках.

Вместе с тем этот процесс может затормозиться из-за снижения рентабельности экспорта, поскольку внутренние цены по сравнению с внешними продолжают расти. За первое полугодие 1996 г. заметно уменьшился экспорт продуктов химической, лесной и лесоперерабатывающей промышленности, что вызвало весьма сильное сокращение производства в этих отраслях — на 16 и на 12% (по крупным и средним предприятиям).

Особое место в промышленном производстве занимает топливно-энергетический комплекс (ТЭК). В 1991–1995 гг. производство топлива и энергии тоже сокращалось, но заметно медленнее, чем выпуск продукции в других отраслях (см. табл. 1).

По статистике «индексов физических объемов», рассчитываемых как средневзвешенные темпы изменения выпусков, измеряемых в натуральных показателях, сокращение выпуска в электроэнергетике составило 21,1%, топливной промышленности — 32,1%. Это привело к существенному росту доли ТЭК в общем выпуске продукции промышленности — с 11,2% в 1990 г. до 16,2 в 1995 г. Выпуск электроэнергии за тот же период сократился на 19,8%, что очень близко к индексу физического объема отрасли, а выпуск топлива (в единицах условного топлива) — лишь примерно на 1/4, что существен-

но меньше, чем демонстрирует соответствующий индекс физического объема.

Последнее объясняется структурным сдвигом в сторону производства и потребления газа. Дело в том, что, например, в декабре 1994 года 1 тыс. куб. м естественного газа, отпускаемого с месторождений, стоил 6,7 тыс. руб. В то же время тонна угля продавалась в среднем за 30,7 тыс. руб., нефти — за 100,5 тыс. руб. Доля газа в общем выпуске отрасли возросла за рассматриваемый период с 41 до 51% и потому снизилась удельная «стоимость» топлива в целом.

Есть три причины относительно меньшего падения выпуска ТЭК в общем производстве промышленной продукции. **Первая** из них характерна только для топливной промышленности — продвижение на внешний рынок энергоносителей. Если поставки в страны СНГ продолжали сокращаться и в 1995 г. были по крайней мере на 60% меньше, чем в 1990 г., то экспорт в дальнейшем зарубежье с 1993 г. возрастал. В настоящее время экспортируется 40% всей добытой в стране нефти, около трети газа и нефтепродуктов, более 10% угля.

Вторая причина связана с особой ролью энергии в жизнеобеспечении населения и поддержании работоспособности всей социальной инфраструктуры. Объемы ее расхода здесь очень мало связаны с динамикой производства, а скорее зависят от численности населения, общего объема доходов, других показателей, характеризующих социальную сферу. Население и социальная сфера начиная с 1992 г. имели льготы по оплате электроэнергии и тепла, что, по-видимому, явилось важной причиной, почему расходы энергии в данном направлении имели тенденцию к росту. По нашей оценке, примерно 1/4 общего прироста электроемкости национального дохода достигалась за счет перераспределения электроэнергии в пользу непромышленного потребления.

Третья причина меньшего падения производства в энергетике, как видится, самая главная, заключается в росте удельных расходов энергоресурсов в производственной сфере. Они росли по крайней мере до 1995 г. В 1994 г. по сравнению с 1991 г. удельный расход топ-

лива на переработку тонны нефти возрос на 20%, на тонну проката черных металлов – на 18,5%, на добычу тонны нефти – на 22,6%.

Рост энергоемкости производства свидетельствует о снижении эффективности использования энергоресурсов. Стоит отметить, что российская экономика и в советский период не отличалась стремлением к энергосбережению из-за обилия дешевых источников топлива и энергии.

В начале 90-х годов, по оценке Мирового банка, энергоемкость российского производства была в 4 раза выше американского, в 6 раз – английского и в 10 (!) раз – японского. Правда, российские эксперты дают более осторожные цифры. Так, по данным В. Бушуева и О. Плужникова, в 1990 г. энергоемкость ВВП в России была на 2/3 выше, чем в США, и в 2,5 раза – чем в Японии и Великобритании. А к 1995 г. разрыв, по данным тех же авторов, вырос до 2,6 и 3,7 раза¹.

Стоимостные пропорции – та же картина

Анализ стоимостных пропорций производства, т.е. оцениваемых в текущих ценах, свидетельствует о постоянном снижении роли выпуска товаров и, в частности, промышленности (табл. 3).

Таблица 3					
Структура производства добавленной стоимости в России, % к итогу					
	1990	1992	1993	1994	1995
Производство товаров	60,6	46,6	51,2	43,1	40,7
Из них: промышленность	35,1	33,2	35,9	27,0	-

Доля сектора услуг, наоборот, возрастает. Стабильно чувствует себя торговля, достаточно динамично, во всяком случае по официальным данным, развиваются

¹ Бушуев В., Плужников О. Новый вид энергетического кризиса пришел в Россию / Деловые люди, 1996, № 5, с. 156–157.

финансово-кредитный сектор, сфера общей коммерческой деятельности по обеспечению функционирования рынка. Можно говорить, по-видимому, о переливе капитала из традиционных секторов экономики в новые.

Стоимостные пропорции в промышленности менялись в пользу отраслей-лидеров – ТЭК и металлургии (табл. 4). Доля этого сектора экономики в общепромышленном выпуске составляет в настоящее время 45% (в неизменных ценах – 28,7%). Отрасли же, производящие конечную продукцию (машиностроение, пищевая и легкая промышленность), уменьшили свой удельный вес в стоимости общепромышленного выпуска за рассматриваемый период с 47% до 32,5%.

Таблица 4 Структура промышленного производства (в текущих ценах), % к итогу						
Отрасль	1990	1991	1992	1993	1994	1995
Топливная	7,3	7,3	18,6	16,3	15,0	16,4
Электроэнергетика	3,9	4,0	6,4	9,1	13,4	13,1
Черная металлургия	5,3	4,9	8,2	8,3	8,3	9,1
Цветная металлургия	5,7	6,3	9,1	8,1	6,6	6,3
Химическая и нефтехимическая	7,5	7,1	8,3	7,2	7,4	8,1
Лесная и лесоперерабатывающая	6,6	5,8	4,8	4,3	4,6	5,2
Промышленность строительных материалов	3,6	3,7	3,3	4,3	4,8	4,7
Машиностроение	30,2	24,9	20,5	20,5	19,6	18,3
Легкая	11,8	16,2	7,1	5,1	3,1	2,5
Пищевая	15,1	15,9	11,7	13,1	12,5	12,0

Ортодоксально-либеральный курс

Происходящие в промышленности и экономике в целом структурные перемены как в «физических» единицах, так и в стоимостных специалисты оценивают по-разному.

Сторонники «шоковой» терапии и жесткой монетарной политики (назовем их здесь ортодоксальными либералами) считают эти изменения в основном положительными. По их мнению, идет процесс высвобождения производственных ресурсов из неэффективных сфер производства или ресурсы частично перераспределяются для развития более эффективных сфер.

Действительно, нельзя не согласиться, что наименее эффективны в стране традиционные (с мощностями, введенными еще в советский период развития) отрасли высоких степеней переработки, выпускающие в большей мере конечную продукцию.

Более эффективны первичные переделы сырья, качество продукции которых в меньшей степени можно испортить, применяя устаревшие технологии. Многие предприятия по добыче, например, нефти, газа, металлических руд по своей эффективности находятся на уровне мировых стандартов. Но это, однако, достигается не столько за счет технологических достижений, сколько за счет природных условий.

Логически такой вариант развития, предлагаемый ортодоксальными либералами, предполагает последовательную либерализацию внешнеэкономической деятельности с выходом на мировые цены. Тогда нерентабельные по мировым меркам предприятия разорятся, а высвободившиеся трудовые, инвестиционные, энергетические ресурсы будут направлены на развитие экспортного сырьевого комплекса и смежных с ним производств.

Важным источником развития и социальных программ становится получаемая рента, размер которой составляет порядка нескольких десятков миллиардов долларов, что сопоставимо с инвестиционным фондом России.

Эту стратегию в целом реализовало правительство России, пусть и недостаточно последовательно из-за непредвиденных в начале пути пароксизмов «кризиса неплатежей». Косвенным свидетельством этого явилось постепенное приближение цен к мировым. В 1992 г. цены на российском внутреннем рынке составляли в

среднем лишь 10–13% от американских, в 1993 – 24,7%, в 1994 г. – 43,1%, а в 1995 г. – уже 58,3%.

Цены – вверх, производство – вниз

Роль цен в подталкивании структурных сдвигов достаточно активна. Процесс пошел, как думается, после 1992 г., когда производители еще только начали адаптироваться к условиям свободного ценообразования. Кроме того, в этом году произошло резкое изменение ценовых пропорций в пользу очень дешевой до этого продукции энергетике. В последующие годы большинство отраслей промышленности продемонстрировало тем больший спад объемов выпуска, чем выше поднимались их отпускные цены.

Для демонстрации этого вместо малонадежной статистики цен рассчитаны «отраслевые дефляторы» как отношения индексов изменения стоимостных объемов выпуска к индексам физических выпусков по отраслям промышленности. Имея тот же смысл, что и индексы цен, они основаны на более простых в наблюдении показателях объемов производства в натуральных показателях и выручки от продаж и потому, на наш взгляд, заслуживают большего доверия. Относительные дефляторы, т.е. отнесенные к среднепромышленному индексу, сравниваются с показателями относительных уровней производства (табл. 5). Например, если за 100% принят уровень промышленного производства 1995 г. по отношению к 1992 г., то 118% для топливной отрасли означает, что падение выпуска здесь было на 18% меньше среднего.

За таким явлением могут скрываться различия в эффективности производства в отраслях-лидерах и аутсайдерах. Там, где эффективность производства выше среднего (в топливной промышленности, металлургии), издержки возрастали относительно медленнее, что позволяло вести более сдержанную ценовую политику. Этому способствовало и то, что указанные отрасли сумели закрепиться на внешних рынках.

Таблица 5

**Относительные цены и относительные уровни
выпуска отраслей промышленности в 1995 г.
по сравнению с 1992 г., % к итогу**

Отрасль	Относительные цены	Относительный выпуск
Топливная	75	118
Электроэнергетика	160	127
Черная металлургия	98	114
Цветная металлургия	58	121
Химическая и нефтехимическая	99	98
Лесная и лесоперерабатывающая	132	83
Промышленность строительных материалов	164	88
Машиностроение	113	79
Легкая	78	45
Пищевая	97	105

Два исключения из общего правила — электроэнергетика и легкая промышленность. Видимое изменение относительных цен на их продукцию определялось в большей степени спросом. Это позволило электроэнергетике иметь наиболее быструю динамику тарифов при наименьшем сокращении выпуска. С другой стороны, следует иметь в виду, что тарифы на электроэнергию и тепло достаточно жестко регулируются административными методами, так что в данном случае эксперимент «не чистый».

Легкая промышленность, без сомнения, в наибольшей степени пострадала от снижения спроса, в том числе за счет очень низкой конкурентоспособности своей продукции по сравнению с импортом.

Интересно попадание в группу лидеров пищевой промышленности. На наш взгляд, определенную роль сыграли относительная дешевизна сырья — дотируемой сельскохозяйственной продукции, относительная стабильность спроса на продукты питания, а также техно-

логическая мобильность их производства, определяющая быстрые сроки окупаемости затрат.

Отрасли инвестиционного комплекса — машиностроение и промышленность стройматериалов — существенно пострадали от роста издержек, которые старались компенсировать повышением отпускных цен, что привело к дополнительной утрате рынков сбыта. В эту же группу попал лесопромышленный комплекс. Где-то посередине между лидерами и аутсайдерами оказалась химическая и нефтехимическая промышленность.

Чего опасаются потенциальные инвесторы?

Другая группа экспертов — оппоненты официально проводимой экономической политики — оценивает процесс структурных сдвигов как катастрофу, называя его «деиндустриализацией», также, на наш взгляд, не без оснований. Так, после 1990 года утрачено около трети мощностей промышленности, о чем можно сделать вывод на основе статистики по использованию производственных мощностей в сравнении с данными о среднесуточных объемах промышленного производства.

Эти эксперты считают, что нельзя было допускать спада производства, по-видимому, и потому, что спад — это плохо само по себе. Нужно производить продукции побольше, поскольку чем больше, тем лучше. Совсем обидно терять «высокотехнологичные» производства, например ВПК.

Финансовые сложности при этом воспринимаются как результат в лучшем случае ошибочной в корне политики, а часто — как намеренного вредительства. Из заслуживающих обсуждения предложений этой группы экспертов стоит выделить призывы к усилению роли государства в перераспределении ресурсов и инвестиционном процессе, а также в борьбе с инфляцией немонетарными методами — от замораживания цен до проведения осмысленной политики доходов и регулирования ценовых пропорций.

К заслугам такой позиции отнесем критику либерально-ортодоксальной политики вывода цен на пропорции мирового рынка. В самом деле, высвобождение произ-

водственных ресурсов из неэффективных отраслей не равнозначно их перетоку в эффективные сферы, а условия для этого создать труднее, чем приблизить цены к мировым.

Что это за условия? Прежде всего необходимо инвестирование в реальный сектор экономики, а следовательно, создание легитимных и действенных правил, которые обеспечивают права инвестора на собственность, его возможность влиять на реализацию инвестиционного проекта и управление предприятием.

Очень важны позитивные ожидания потенциальных инвесторов, то есть их вера как в стабильность создаваемых правил, так и в то, что общая рыночная конъюнктура будет улучшаться. В противном случае высвобождаемые денежные средства будут по-прежнему продаваться или прятаться «до лучших времен».

Серьезные опасения инвесторов вызывает также традиционная немобильность рабочей силы, которая до сих пор предпочитает держаться за имеющиеся жилье и рабочие места. Это может затруднить миграцию из депрессивных районов в перспективные.

Проблематичным остается и вопрос о способности имеющегося фондового рынка опосредовать перетоки капитала в необходимых объемах.

В таких условиях спад производства может углубиться и затянуться, увеличивая и без того высокую социальную цену реформы с непредвиденными политическими последствиями.

Государство – «страховая компания»

И тем не менее позиция оппонентов официальной правительственной политики представляется нам мало привлекательной, поскольку предполагает больший или меньший откат назад на пути реформ. Сомнения вызывает «усиление роли государства», или, другими словами, освящаемая бюрократизация ключевых экономических решений.

Конечно, нельзя отрицать возможную позитивную роль государства. Но ведь речь идет о России, где бюрократический аппарат традиционно силен. Именно аппарат, а не государство как регулирующий институт. Российское общество не создало до сих пор действенной защиты от произвола чиновников.

Надежда на парламентскую власть тает, глядя на то, как члены Государственной думы, а по сути, те же чиновники, начинали свою деятельность и продолжают ее, тратя слишком много времени и сил на получение для себя субсидий на приобретение квартир в Москве и всяких льгот.

В таких условиях государство не может по доброй воле измениться к лучшему, реформировать само себя. Призывы к «укреплению государства» ассоциируются с бароном Мюнхаузенем, вытягивающим себя из болота за волосы.

Во-вторых, оппоненты предлагают усилить вмешательство государственного аппарата в экономическую жизнь, другими словами, заменить пусть пока и неотработанные экономические механизмы бюрократическими. Регулирование цен или ценовых пропорций означает, что регулирующая сторона принимает на себя ответственность за то, что цена (пропорция) установлена верно, — в каком-то смысле справедливо.

За этим логически следует требование стороны, которая считает себя «потерпевшей», предоставить ей государственную поддержку. Это требование будет удовлетворено с вероятностью, пропорциональной влиянию лобби этой стороны. И все же регулирование может опять свестись к раздаче льгот, субсидий и кредитов, выдаваемых по принципам, мало связанным с соображениями экономической эффективности.

Это неминуемо усилит патернализм государства, а следовательно, затормозит институциональные преобразования и приведет к длительной депрессии экономики уже без надежды на выздоровление.

Как ни странно, но позиции сторонников правительственного курса и его противников в своих крайних проявлениях смыкаются. Ортодоксально-монетаристская концепция продвижения к ценам мирового рынка тоже приведет не к разорению неэффективных производств, а к усилению патернализма государства и всеобщей раздаче льгот.

Дело в том, что по своей природе бюрократическое государство в условиях слабой демократии выступает в роли всеобщей «страховой компании» (по определению Я. Корнаи), не склонной идти на жесткие меры против убыточных предприятий и должников. Существует опасность, что ресурсы, высвобождаемые из неэффективных отраслей и аккумулированные бюджетом, например, в виде энергетической ренты, будут использованы для выдачи субсидий и льгот. Упорно декларируется принцип поддержки предприятий, «незаслуженно страдающих от изменившейся структуры цен, закрытие которых грозит тяжелыми социальными последствиями».

Это фактически означает, что «скрытые» субсидии, выдаваемые в настоящее время в виде относительно дешевых энергоресурсов и сырья, будут заменены на прямое дополнительное бюджетное (вариант — внебюджетное) финансирование.

Следует, однако, иметь в виду, что при всех недостатках скрытого субсидирования оно повышает рентабельность предприятий-потребителей дешевых производственных ресурсов. Соответствующие суммы скрытых субсидий реализуются в виде прибыли, которая рассматривается этими предприятиями как заработанные средства в отличие от прямых субсидий.

Их можно получить только в процессе «торга» с лицами, их распределяющими. Позиция предприятия в таком торге тем сильнее, чем сильнее соответствующее лобби. Поэтому можно ожидать, что замена скрытых субсидий на прямые будет означать замену экономического механизма распределения средств на бюрократический.

Плохой рынок лучше плохого государства

Структурная политика государства, по крайней мере в России, должна в минимальной степени использовать административные методы и субсидии-льготы. Только когда цена есть продукт сделки между двумя партнерами, управляемыми «невидимой рукой рынка», есть надежда на выправление экономического поведения предприятий и превращение их в фирмы, устремленные на экономию производственных ресурсов и в этих целях ведущие инвестиционный процесс.

Только рынок может выяснить «эффективное» соотношение цен и только в процессе «взаимного узнавания», по выражению Ф. Хайека. Вряд ли приемлемо при этом устремление на ценовые пропорции мирового рынка. Соотношение эффективности производства между разными секторами в российской экономике иное, чем, например в Германии, США или Японии. Иными поэтому должны быть и пропорции цен. Конечная продукция российских производителей обладает в целом более низким качеством по сравнению со стандартами развитых стран, что определяет и более низкий уровень цен на них.

С другой стороны, меньшая эффективность использования сырья, топлива, энергии, продукции первых циклов переработки означает меньшую «готовность платить» за них со стороны внутренних потребителей по сравнению с зарубежными. Это значит, что для поддержания внутреннего спроса цены указанных ресурсов также должны оставаться ниже уровней внешних рынков. Другой вопрос, как добиться этого экономическими методами?

Важной составляющей такой политики должно было бы оставаться обложение экспорта таможенными пошлинами — метод, использовавшийся российским правительством в течение всех прошедших лет переходного периода, хотя и с затуханием.

К сожалению, отечественные поставщики энергоресурсов остаются монополистами, и поэтому, например, начиная с 1995 г. отпускные цены светлых нефтепродуктов на внутреннем рынке устойчиво превышали мировые. Этому способствовало формирование отечественных вертикально-организованных нефтяных компаний. Само их число — 13 — не является чем-то роковым, однако не исключает возможности заключения картельных соглашений. Таким образом, актуально «укрошение» монополий, чему могло бы помочь введение налогов на сверхприбыль, имеющих в данном случае рентный характер, с одновременным снижением акцизных сборов.

Сомнения вызывает также проводимая монетарная политика, по крайней мере в части поддержания курса национальной валюты, другими словами «политика второго монетарного якоря». Опыт других стран показывает, что ее успех в смысле сдерживания инфляции может приводить к большим экономическим и социальным издержкам, выражающимся в разрушении не только особо неэффективных отраслей экономики, но и экспортного сектора.

Можно предположить, что высокие темпы наращивания экспорта в России, несмотря на постоянное снижение его рентабельности, объясняются не только лучшим поступлением средств от зарубежных партнеров по сравнению с отечественными, но и возможностью сокрытия валютной выручки, а следовательно, теневого вывоза капитала.

Рост курса рубля снижает конкурентноспособность всей экономики. Нам кажется, что весьма полезной мерой для современной России было бы проведение мер, направленных на определенное обесценивание рубля к доллару — девальвации — с возможным последующим возобновлением «коридорного» регулирования.